

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн
Четыре рычага
Серия «Рассказы в каплях», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2547835

Аннотация

«Здесь, на этом перекрестке, расположены на двадцати квадратных аршинах: церковь, родовспомогательная клиника и трактир, которые вместе обслуживают ход четырех вечных рычагов жизни: рождение, любовь, насыщение и смерть – весь круговорот человеческой зыбкой жизни...»

Александр Иванович Куприн Четыре рычага

«Aux quatre leviers»¹ – вот как бы на месте хозяина назвал я кабачок на углу улиц Успения и Доктора Бланш.

Здесь, на этом перекрестке, расположены на двадцати квадратных аршинах: церковь, родовспомогательная клиника и трактир, которые вместе обслуживают ход четырех вечных рычагов жизни: рождение, любовь, насыщение и смерть – весь круговорот человеческой зыбкой жизни.

Но, увы! хозяин, к сожалению, не могильщик и не шлифовщик оптических стекол – он очень далек от философии, что, однако, не мешает ему быть достойным буржуа.

Сегодня утром послали меня в этот кабачок купить немолотого кофею. Пока мне отвешивали покупку, я увидел очень простое и трогательное зрелище.

На крошечном, усыпанном гравием дворике родильного дома как-то растерянно и неуклюже топтались двое мужчин. Видно было, что они незнакомы. Один – высокий с непокрытой головой; длинные, светлые волосы гладко зачесаны назад; общее впечатление: медлительный, недоверчивый, чувствительный и обидчивый человек. Другой – санг-

¹ «У четырех рычагов» (фр.).

виник; у него блестяще-черные волосы с легкой проседью, красные щеки, блестящие черные глаза; низкий и широкий, он строением похож на плотный крепкий куб; мягкая шляпа надвинута на самую переносицу, а из-под ее полей торчат в стороны жесткие, прямые усы, на которых легко уселись бы две канарейки.

Невольно казалось, что оба связаны неразрывно общей тревогой и в то же время мучительно стесняются друг друга. Право же, в эти минуты они напоминали мне двух мальчуганов, которые ранним росистым утром на берегу резвой речонки нерешительно пробуют голыми ступнями студеную воду, и каждый выжидает момента, когда у другого хватит храбрости бултыхнуться.

Так они довольно долго толкались, мялись и крутились по скрежетавшему гравию, то преследуя, то избегая друг друга, беспомощные и нетерпеливые. Наконец кубический сангвиник отважился первый.

Он круто повернулся; мелкими, но быстрыми шагами вышел на улицу; оглянулся зорко налево и направо (все в порядке, улица пуста), пересек наискосок улицу и затем, не умеряя спешного хода, не оборачиваясь назад, вошел через каменные ворота в церковную ограду, в глубине которой весело зеленели кусты.

Светловолосый, как будто привязанный невидимой ниткой, послушно шел за ним. Он шагал редко, но длинно и при том так высоко поднимал долговязые ноги, что поразительно

напоминал большую птицу из породы голенастых, идущую пешком.

Они одновременно поднялись по трем каменным ступеням. Брюнет первый открыл тяжелую боковую дверь церкви, любезно попридержал ее для блондина, и дверь закрылась за ними.

Через десять минут они вышли на улицу, теперь уже в полном согласии, быстрым взором убедились в том, что никто их не заметил, и дружелюбно направились к кабачку. Ведь они-то, наверно, друг друга никогда не выдадут; и ничто не повредит их репутации мужественных граждан и свободных мыслителей, чуждых суевериям и предрассудкам.

Мне до этого нет никакого дела. Но только я ведь отлично знаю, что делали в храме и сангвиник и флегматик. Каждый из них безмолвно взывал к богу:

– Если я и прогневал тебя неверием и другими многими и тяжкими грехами, то излей на меня, на меня одного, справедливый гнев твой, но их обоих пощади: и ее, рождающую, и его, еще не рожденного. Покарай меня проказою, сумасшествием, внезапной мучительной смертью, но их, всемогущий и всепрощающий, пощади!

Смешны иногда люди.